

Этот невзрачный «жук» называется почтовым жуком — его часто используют на войне, он есть у каждого в армии. Во время скрытых вылазок именно с его помощью передают сведения о местоположении, а в крайнем случае можно послать сигнал бедствия. Для различия в разных войсках жуки различаются по цвету, простые солдаты и офицеры тоже имеют разные, а что до командиров, то для каждого из них закреплён особый оттенок. Эту штуку достаточно раздавить — и она сработает, обращение простое, рассчитанное на дурака. В обычной ситуации солдаты при виде почтового жука радуются, словно родной матери... кроме Кевина в данный момент. Он держит в пальцах этого покойного жучка — и не то чтобы радоваться, а готов повесить того паршивца, который умудрился его раздавить. Мало того, он подозревает, что на том конце тоже не испытывают восторга, а может, уже перепугались до смерти... Надо сказать, в некотором смысле он угадал.

В Висячем замке Уцзинь, расположенном в глубине Великого разлома на севере, на смотровой башне грянул грохот — старый жрец выпустил из рук край наблюдательного бассейна и завалился навзничь. Двое молодых жрецов не успели среагировать и всё ещё таранились на вспышку света в воде.

— Мне не чудится?! Почтовый жук?! Дымчато-золотой?! — воскликнул один из них, с видом, будто увидел призрака. — Нет-нет, я точно ошибаюсь, дымчато-золотой же принадлежит не одному человеку?!

Второй и впрямь узрел призрака и произнёс в замешательстве:

— Ты не ошибся, дымчато-золотой — только у одного. У того самого командира бронзовых войск, Кевина Фассбиндера...

— Но... он же умер много лет назад!

Полчаса спустя в глубине Висячего замка Уцзинь новый император, только что взошедший на престол, рывком сел на кровати, и, пока у него дёргалось веко, внутренний слуга доложил:

— Ваше величество! Палата жрецов только что донесла: командир Фассбиндер воскрес в районе Густого леса Андоха!

Император: «.....»

У Кевина зачесался нос, он повернулся и чихнул. Он слегка прикинул, какая реакция могла бы произойти во дворце, и почувствовал, как волоски на руках встали дыбом. Ну вот, попал в переплёт.

Тот паршивец, связанный в кокон, зашевелился на земле, пытаясь высвободиться из стеблей, но ничего не выходило; он разозлился, надулся, с трудом вытянул шею и сердито «плюнул», поднял голову, чтобы закричать, но наткнулся на лицо Кевина чёрнее сажи — и проглотил крик, едва не подавившись.

Кевин присел перед ним, на вид ласково погладил его по голове и тихо спросил:

— Какой рукой?

Паршивец не сразу понял:

— Что?

Он был мал, голос его должен был звучать ясно и звонко, но сейчас сорвался до хрипоты, не лучше, чем у Кевина, — видно, тоже натерпелся.

Кевин, внешне невозмутимый, разглядывал его, но на словах продолжал стращать:

— Я спрашиваю, какой рукой ты схватил кожаный мешок? — и для убедительности провёл пальцем по обушку ножа.

Паршивец: «...»

Его лицо покраснело ещё сильнее, он упёрто выпятил шею:

— Я, я только что видел, просто раздавил чёрного жука! Ну, я могу тебе возместить!

Кевин усмехнулся, облизал пересохшие губы:

— О? И как же ты собираешься возмещать?

Мальчишка снова завожился, с трудом встал на колени, почесал себя как цыплёнок и, сорвав с тряпки, в которую был одет, какую-то букашку, протянул Кевину:

— На, верну тебе цветного, он ещё и летает.

Кевин: «...» — Он на мгновение задумался: то ли этот ребёнок нарываемся, то ли просто глуп.

Мысли детей часто не поддаются оценке, Кевин судил о таких юных существах исключительно по прошлому опыту. К сожалению, все дети, которых он встречал, были один хуже другого. А самым запоминающимся отличался особенной способностью выводить из себя и задирать...

Итак, через пять минут Кевин расслабленно плескался в реке, смывая с себя грязь, и вполуха размышлял, как объяснить своё «воскрешение из мёртвых».

А тот паршивец, который, стоило ему открыть рот, казалось, напрашивался на затрещину, висел на высоком дереве у реки, словно перевёрнутый кокон, раскачиваясь и истошно вопя.

Он, как и подобает представителю боевой расы зверолодей-гигантов, хоть и мал, но разговаривал без церемоний, крича Кевину:

— Ты что, бьёшь детей? Тебе не стыдно? —

Кевин, не оборачиваясь:

— Нет.

Мальчишка продолжал выть:

— Мне всего восемь с половиной, я даже жука раздавить не могу —

Кевин фыркнул:

— Рассказывай сказки! Как только ты сменишь обличье, ты и мне шею перекусишь.

Мальчишка:

— Меня сейчас стошнит, а-а-а-а —

Кевин:

— Тошни, я не смотрю.

Мальчишка заревел по-настоящему.

Кевин: «...»

Тот голосил долго, но Кевин не удостоил его даже взглядом, а собрался, вышел на берег и, словно водяной, с ножом в руке скрылся в чаще.

Мальчишка замолк.

Кевин отсутствовал недолго и не наделал в безмолвной чаще шума. Однако когда он вернулся, в руках у него болтались три жирные андохские земляные крысы и несколько куриных яиц размером с кулак.

Он присел у реки, привычно снял шкуру, выпустил кровь, выпотрошил, дал воде стечь, затем развёл костёр под деревом, насадил мясо на вертел и принялся жарить, а заодно зарыл яйца в золу под костром.

Каждая андохская земляная крыса была длиной с предплечье взрослого мужчины, в меру жирная, шипела на огне, истекая соком и блестя. Кевин растёр собранные ранее плоды в кашицу и смазал ею поджаристую корочку, а от жара аромат стал ещё гуще.

Он переворачивал мясо, но краем глаза заметил, что на землю рядом упало что-то блестящее. Он поднял голову и увидел, что паршивец, висящий вниз головой, уже забыл о своих воплях, а разинул рот и пускал слюни.

— Мне хватает приправ, не нужно твоих добавок, — буркнул Кевин и отодвинул мясо в сторону.

Мальчишку аромат разбудил до глубины души, и его живот, только что утихший, снова заурчал как гром.

Нет ничего более бессовестного, чем набивать брюхо на глазах у голодного до смерти человека. Мальчишка не выдержал:

— Как ты можешь быть таким жестоким?

Кевин перевернул мясо и усмехнулся:

— Ещё бы, я раньше водился с таким же сорванцом, как ты, и обращался с ним куда жесточе.

Мальчишка: «...»

Он слегка прикинул, что значит «куда жесточе», и у него волосы встали дыбом. «А не боишься, что он вырастет и тебе подстроит пакость?» — подумал он.

Когда Кевин только вылез из земли, лицо его было перепачкано чёрной грязью, и кроме худобы не было заметно особых черт; теперь же грязь смылась, и наружу проступило его бледное, тонкое лицо. Свет костра смягчил линии бровей и переносицы, усилил тень от ресниц, достигнув идеального равновесия между резкостью и красотой.

Стоит отдать должное, паршивец считал Кевина самым красивым взрослым из всех, кого он

видел...

И к тому же самым подлым!

«Он и правда ест прямо у меня на глазах!» — в душе мальчишка закатывал истерику.

Чем сильнее голод, тем меньше следует набрасываться на еду. Кевин знал это правило, и, будучи от природы аккуратным, ел не торопясь, с чувством.

Однако не успел он сделать и нескольких глотков, как не выдержал:

— Если будешь так паяться, у тебя глаза вывалятся...

С этими словами он взглянул на мальчика и увидел, что тот стиснул губы, вытаращился, и в его злом и упрямом выражении промелькнула какая-то обида.

Кевин: «...»

Глаза этого паршивца ещё хранили черты кошачьих: цвет их был светлым и прозрачным, зрачки ночью расширялись до круглых, отчетливых; в сочетании с этим выражением они напомнили Кевину о том маленьком господине из семьи Пах много лет назад —

о том самом сорванце, которого он только что упомянул.

В ту пору Кевин только поступил в подготовительный корпус, выдался длинный весенний отдых, он собирался хорошенько размять кости, но по дороге ему поручили присмотреть за тем мальчиком в доме Пах.

Вот это был действительно отпетый сорванец...

Упрямый, твёрдый, неподвластный, всю жизнь стремившийся делать всё наперекор, особенно Кевину.

<http://bllate.org/book/18285/1753174>